

ГЛАВНАЯ ИСПОВЕДЬ

А ТЕПЕРЬ КАК ВСЕ БЫЛО
НА САМОМ ДЕЛЕ

Книжна Мери

**Главная Исповедь. А теперь
как все было на самом деле**

«Автор»

2026

Мери К.

Главная Исповедь. А теперь как все было на самом деле /
К. Мери — «Автор», 2026

Это история о любви, которую я не сумела сохранить, и о правде, которую долго не решалась рассказать. Продолжение «Главной исповеди», в котором мне предстоит впервые оказаться по другую сторону собственной истории, признать свои ошибки и понять, как можно искренне любить человека и одновременно разрушать отношения с ним. Рассказ о ревности, страхе, взрослении и самом трудном признании: иногда мы сами причиняем боль тем, кого любим больше всего.

© Мери К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Показания второй стороны	5
Следствие ведут ревнивые	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Книжна Мери

Главная Исповедь. А теперь как все было на самом деле

Показания второй стороны

Есть у меня одна скверная привычка, от которой я, несмотря на годы работы над собой, никак не могу избавиться: стоит мне написать что-нибудь особенно откровенное, как я немедленно начинаю подозревать себя в необыкновенной честности. Вот, думаю, молодец какая, вывернула душу наизнанку, выставила на всеобщее обозрение собственные страдания, призналась в вещах, о которых приличные люди предпочитают молчать, и теперь, пожалуй, могу с полным основанием считать себя человеком, способным смотреть правде в глаза.

И вот с этим приятным чувством исполненного нравственного долга я отправила Мите свою «Главную исповедь». Он прочитал. И, надо сказать, восторгов моих не разделил.

«Я прочитал, очень интересный рассказ, но с нашим отношениям он не имеет ничего общего. Это как в начале фильма титры: "Снят на основе реальной истории", но от реальной истории там время, имена героев и десять процентов фактов в лучшем случае».

Дальше следовал довольно обстоятельный разбор моего литературного произведения, из которого выяснялось, что автор, то есть я, не только позволила себе некоторые художественные вольности, но и весьма предусмотрительно обошла стороной целый ряд обстоятельств, способных существенно испортить ей репутацию.

Митя, в частности, напомнил, что о своей бывшей девушке он рассказал мне сам, причем еще в самом начале наших отношений, когда мы случайно заговорили о дружбе между мужчиной и женщиной. Никаких хитроумных расследований, которыми я впоследствии украсила собственную биографию, для этого не потребовалось. Зато потребовались они мне самой, когда я принялась рыться в его вещах и читать личные дневники, причем еще до того, как мы начали жить вместе.

Вспомнил он и злополучный день рождения, когда назвал меня именем своей бывшей девушки. По моей версии, это произошло совершенно случайно, когда я подошла к нему что-то спросить. По его — я уже устраивала скандал по поводу той самой девушки, окружающие с некоторым недоумением наблюдали за происходящим, а он пытался урегулировать ситуацию и назвал меня ***** именно потому, что разговор шел о ней. Точнее, как он выразился, говорила о ней я.

Наконец, он задал вопрос, ради которого, подозреваю, и стоило затевать всю эту переписку: каким образом два человека, у которых поначалу все было прекрасно, оказались в той самой ночи на четырнадцатое февраля, если из моего рассказа следовало, что отношения испортились сами собой, подобно погоде, на которую никто из участников событий повлиять не мог?

«Скорее всего, ты делаешь это потому, что там очень много правды про тебя саму, которую очень сложно принять. Психика таким образом защищается, она забывает факты, которые ее травмируют», — написал он.

И закончил следующим:

«Все, что касается твоих чувств, — это твоя боль, и тут я ничего сказать не могу. вполне возможно, она такой и была, но я не увидел ни строчки о том, где и что тебе самой нужно было исправить, чтобы не прийти к этому финалу».

И знаете, что? В некоторых вещах он был прав. Не во всем, разумеется. Я по-прежнему помню нашу историю так, как помню, и не собираюсь отказываться от собственных чувств только потому, что другой ее участник испытывал совершенно другие. Но между правдой о том, что ты чувствовала, и правдой о том, что ты делала, обнаружилась одна довольно существенная разница. В «Главной исповеди» я рассказала, как мне было больно. А вот о том, сколько боли я сама умела причинять, рассказала значительно меньше.

Когда я отправляла Мите этот текст, у меня, конечно, была вполне определенная цель. Мне хотелось, чтобы он наконец увидел нашу историю моими глазами, понял, как сильно я его любила, как искренне во все это верила и сколько боли мне стоила любовь, которая никак не желала укладываться в придуманный мною счастливый сценарий.

Нет, я не рассчитывала, что он, дочитав последние строки, немедленно вскочит с дивана, схватится за сердце и бросится ко мне с криками: «Господи, женщина, что же я натворил! Я ведь всю жизнь любил только тебя!» У меня, при всех моих недостатках, все-таки сохранились некоторые представления о реальности. Да и писала я эту историю вовсе не для того, чтобы вернуть прошлое. Напротив, мне хотелось наконец с ним расстаться.

Ведь исповедь, если вдуматься, не предполагает торжественного возвращения к тому, от чего ты пытаешься освободиться. В церковном понимании это прежде всего покаяние, признание собственных грехов перед Богом и желание изменить свою жизнь. Мой рассказ, разумеется, не был исповедью в таинственном смысле, но в нем было то же стремление перестать прятаться от пережитого, назвать вещи своими именами и оставить их там, где им надлежало остаться, — в прошлом. Мне хотелось не повернуть время вспять, а наконец принять то, что произошло.

И потому ответ Мити, вопреки тому, что можно было бы предположить, меня не обидел. Более того, он мне понравился. Впервые за долгое время я услышала от него не осторожные, примирительные слова, которыми обычно заканчиваются разговоры, когда ни один из собеседников не желает снова открывать старые раны, а совершенно искреннее, местами довольно жесткое мнение. Он наконец сказал то, что, вероятно, думал обо мне все эти годы, но по каким-то причинам предпочитал не произносить вслух. Получилось даже забавно. Я отправила ему рассказ, надеясь, что он лучше поймет меня, а в результате сама узнала о себе кое-что весьма любопытное. И если моя литературная деятельность принесла хотя бы один несомненный результат, то вот он: мне наконец удалось разговорить человека, который прежде обладал удивительной способностью обходить самые острые углы наших отношений, не задевая ни одного.

Почему я не написала обо всем этом в «Главной исповеди»? Думаю, потому, что все рассказанное там было совершенно искренним. Я действительно так чувствовала, действительно так страдала и именно такой запомнила нашу историю. Память вообще довольно занятная дама: она бережно хранит каждую нанесенную нам обиду, иногда даже с указанием даты, времени и выражения лица обидчика, зато собственные безобразия предпочитает складывать куда-нибудь в дальний ящик, где они постепенно покрываются пылью и приобретают вид незначительных бытовых недоразумений.

Мне, конечно, было гораздо приятнее помнить, как больно делали мне, нежели вспоминать, сколько боли причиняла я сама. А ведь причиняла. И не только боль. Я совершала поступки, за которые сегодня мне стыдно, разрушала доверие, устраивала сцены и порой собственными руками уничтожала то, что потом отчаянно пыталась спасти. И вот тут обнаруживается одна весьма неудобная вещь: можно быть совершенно искренней в рассказе о своих страданиях и при этом оставаться удивительно избирательной в рассказе о собственной вине.

Так что, пожалуй, пришло время предоставить слово не только пострадавшей стороне, в роли которой я выступала с большим чувством и некоторым литературным талантом, но и

стороне обвиняемой. Тем более что обе эти женщины, к моему глубокому сожалению, — я сама.

Следствие ведут ревнивые

Практически всю свою сознательную жизнь я была человеком тревожным, подозрительным и, что особенно досадно, обладавшим богатейшим воображением, которое при более удачном стечении обстоятельств могло бы послужить отечественной литературе, но предпочитало обслуживать мои личные катастрофы. Там, где нормальный человек видел вполне благополучное положение вещей, я обнаруживала признаки надвигающегося бедствия, а если признаков не находилось, немедленно принималась их искать, поскольку отсутствие доказательств, как известно всякому приличному параноику, еще ничего не доказывает.

Я не доверяла людям. Вообще. Никому. Мне было невероятно трудно поверить, что меня могут любить просто так, без подвоха, без тщательно разработанного плана последующего предательства и без какого-нибудь мелкого, но непременно унижительного обстоятельства, которое рано или поздно обнаружится и подтвердит мою правоту. Более того, я и сегодня не могу похвастаться тем, что окончательно избавилась от этой особенности своего характера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.